Вместо предисловия

Перед тем как отправиться в эти края, поспрашивал я о них у моего тогдашнего товарища и наставника по работе Николая Оленина. Он принес потрепанный кусок карты и, водя по нему карандашом, стал объяснять. Он немного заикался, и потому очень хорошо запоминалось то, что говорил, так как людей с этим недостатком всегда приходится слушать с удвоенным вниманием.

— Здесь течет Амур, — говорил он. — А это вот река — Зея, почти такая же большая, как Амур. Сам город Благовещенск — вот он, как раз на слиянии.

Потом он обвел обширную часть территории севернее Амура и сказал, что все это — степь, земля плодородная, местами даже черноземная.

Раньше он работал близ станции Средне-Белой, что на пути из Куйбышевки-Восточной к Благовещенску, и эти места знал. От него же я услышал, что на Амуре растет все, кроме культур сугубо южных, что солнечных дней тут не меньше, чем в Средней Азии, и что коронной культурой считается соя, которая в других местах страны, за недостатком тепла и света, вызревать не успевает. Она, эта соя, содержит в бобах и масло, и белки, и витамины, и всякие микроэлементы, и солома ее поедается скотом как хорошее сено. Поэтому называют ее растительной коровой.

Мне казалось, что хвалит он эти земли для того, чтобы подбодрить меня, чтобы легче мне было уезжать столь далеко от дома. Но теперь-то я знаю, что он ничего не прибавил.

Помню, от родных мест на Алтае ехал я до Улан-Удэ с пересадками и оформлением документов целую неделю. А потом еще дальше на восток — один день, второй, третий, четвертый...

И еще тогда вспоминались мне декабристы, потому что и в Кяхте, и в Селенгинске в музеях я видел дивные творения их рук, видел картины и книги, написанные ими, видел их портреты. От всего этого веяло духом высоким и благородным. И, может, тогда впервые всерьез подумалось, что лучшие русские люди всегда были гонимы жестокими властями и лжепатриотами. Но эти прекрасные люди и в диких краях оставались такими же. Они и здесь излучали свет. Они, как никто другой, послужили просвещению и преобразованию в этих краях.

В доме-музее одного из декабристов я видел легкую беговую двуколку изумительной работы. Ее собственноручно изладил сам ссыльный более ста лет назад. А меж тем близ той же Кяхты у скотоводов я видел повозки, в полном смысле первобытные. Колеса у них были сделаны в виде сплошных кругов из досок и вращались вместе с толстыми деревянными осями, скрипя и скрежеща страшно. Можно себе представить, какое впечатление произвела одна только эта двуколка на тогдашнего скотовода-бурята и какое она имела потом значение!

Мне тогда было то печально, то радостно и еще думалось: это сколько же у нас народу, сколько силы, если десять тысяч километров кряду тянется железная дорога, идут поезда, там и тут стоят села и города, дымят трубы, широко лежат обработанные поля. Оказывается, и тут, далеко от Москвы, потрудились люди и много, и славно. Когда все это успели?!

Насколько удивление это было наивным, настолько

и простительным, ведь в ту пору я только что «оперялся», и все, что лежало дальше Сибири, представлялось почти таким же, как это представляется ныне в байках некоторых «бывалых» людей. Дескать, край непуганых птиц и зверей... Сто верст — не расстояние... Глушь, дичь, дебри...

В ту зимнюю пору в Благовещенске сошел я ночью и удивился, что было тепло, хотя по всем признакам надо было трещать морозу — небо ясное, звездное, луна светит, а над крышами туго и раздумчиво столбится дым. К тому же еще вчера где-то под Сковородино отмечалась температура в пятьдесят градусов ниже нуля. А тут тепло... Да и снегу не больше, чем в Монголии, где скот всю зиму гуляет на пастбищах.

Это было мое первое открытие. Потом я узнал, что и буранов здесь не бывает таких, как в Сибири, а где-то в апреле начисто исчезает снежный покров, не родивший ни ручьев, ни шумного половодья, а просто-напросто испарившись под солнцем и ветром. Узнал, что озимых не сеют — без снежного покрова земля сильно промерзает и озимые не выдерживают. Но сев яровых начинается иногда даже в марте. Разумеется, зерно не сразу всходит, а ждет настоящего тепла. Но поскольку к севу приступают рано, то и успевают к началу тепла засевать довольно большие площади.

Вряд ли быстро нашел бы я Дом колхозника, если бы в дороге не познакомился с соседом по вагону — коренным благовещенцем. Он всю дорогу рассказывал о городе, о том, как хозяйничали в нем интервенты и белогвардейцы и как выгнали их отсюда, о том, как вели себя японцы за Амуром и как гнали потом пленных квантунцев. Рассказывал о бывших купцах и компаниях, золотопромышленниках и контрабандистах. Рассказывал, как жили в войну и живут теперь, после

войны. Помню, его фамилия была Гол[illegible]ев, возраст близился к пенсионному и работал он в сплавной конторе на какой-то незначительной должности. Может, чтобы утолить мое любопытство, которое он сам же и разжег, а может, потому, что был слишком добр и гостеприимен; несмотря на ночь, он останавливался среди улицы и, указывая варежкой на какое-нибудь здание, объяснял, что здесь раньше было и что теперь находится. Мы с ним дали даже порядочный крюк, чтобы посмотреть, где были Чуринские магазины. Тогда и ночевал я у него, на Краснофлотской, и еще дня три квартировал и научился ориентироваться в городе. В Благовещенске встречались даже трехэтажные дома, как, например, бывшая мужская духовная семинария, где потом открыт был сельхозинститут, нынешняя четвертая школа и нынешний пединститут. С удовольствием отметил, что город расположен на удобном месте и, бог знает почему, почувствовал, что проживу тут долго.

Зиму того года, весну, лето и часть осени работал под Райчихинском в тогдашнем сельхозе «Вятка».

Потом — учеба в институте, работа в МТС, сельхозинспекциях и редакциях газет. И вот уже прошло двадцать лет с лишком, в течение которых я был непосредственным свидетелем многих преобразований. На моих глазах деревянный и одноэтажный Благовещенск превращался в каменный и многоэтажный, с новыми фабриками, мастерскими, заводами, комбинатами и прочим, что отличает ныне многие города Сибири и Дальнего Востока.

Помню, была тут всего одна мощеная улица, тянувшаяся через город от вокзала. Все остальные были ухабисты и пыльны. Окраины в иных местах были вообще непроходимы из-за грязи, глубоких луж и подпруд, напоминавших озера, по которым плавали утки и гуси.

Когда-то город вообще стоял среди грязи и болот. Дело в том, что равнина, заключенная в треугольнике между Амуром и Зеей, всегда была насыщена водой, как паводковой, так и дождевой. Много пришлось поработать горожанам, чтобы приподнять всю эту равнину и осушить. Возили песок, гравий, глину, камень, устраивали водостоки и сажали тополя. Сейчас в городе совершенно сухо, большинство улиц покрыто асфальтом и, может, нигде нет столько тополей и вообще деревьев, сколько в Благовещенске. И еще: может, нигде нет таких прямых, широких и ровных улиц, как здесь.

Не так давно благовещенцы завидовали хабаровчанам, что у них есть хорошая набережная, одетая в бетон. Теперь и здесь появилась набережная. Она уже протянулась на несколько километров вдоль Амура, соединив городской парк, пассажирскую пристань, центральную площадь и грузовой порт. Далее бетонная ограда пойдет по берегу Зеи. Уже стоят первые девятиэтажные дома, появятся и восемнадцатиэтажные, новый драмтеатр на тысячу зрителей, новый стадион. Будут также разбиты и устроены новые площади, парки, скверы. И если, кроме всего прочего, учесть, что с юга и востока город омывают воды Амура и Зеи, а с запада и севера встает полукружье сопок, по которым растут широколиственные леса и уже зеленеют сосновые насаждения, то станет ясно, что в скором времени этот город будет удобным и красивым.

Важные перемены произошли, конечно, в приамурской деревне и тайге. Когда-то я ездил по колхозам, бывал на собраниях и изучал отчеты, где значилось, что годовые денежные доходы куда меньше сумм долгов перед государством. Стоимость трудодня в иных хозяйствах была такова, что теперь ее вряд ли хватило бы для билета в кино. То было время послевоенное, трудное и

очень сложное, особенно для сельского хозяйства. Проблем было множество. Но меры, принятые партией и правительством по отношению к селу, привели постепенно к тому, что когда-то захудалые хозяйства теперь уже ворочают миллионными доходами. Давно уж вся сельскохозяйственная техника перешла в полное распоряжение колхозов. И они ее не только выкупили у государства, но и приобрели потом самую новую, самую совершенную. Теперь техническая мощь даже небольших хозяйств значительно выше той, что когда-то была в МТС, обслуживавших по десятку колхозов. Вообще, по насыщенности сельхозмашинами Приамурье превосходит многие другие области.

Все степные приамурские села в последние годы отстроились как бы заново. Дома культуры, типовые гаражи и ремонтные мастерские, механизированные и автоматизированные зерновые дворы, животноводческие постройки, школы, шоссе и вообще подъездные пути — с этим было когда-то очень трудно. Теперь все это есть повсеместно, как есть и стандартные кирпичные домики, и трех-четырехэтажные дома с удобствами. Особенно преобразились районные центры, которые все больше начали приобретать городской облик. Универмаги, школы-интернаты, крупные автохозяйства, бытовые комбинаты, профессионально-технические училища, строительные организации, целые кварталы многоквартирных домов, кинотеатры, стадионы и многое другое отличают нынче районные центры.

Во всех направлениях разбежались по степи высоковольтные опоры, несущие электрическую энергию, которая постоянно питает сельские лампы, электромоторы, телевизоры, пылесосы, стиральные машины, холодильники, стационарные киноустановки и другое.

Почти нигде уж в селах не осталось руководителей и

ведущих специалистов без среднего и высшего образования. Это те кадры, которые вполне способны поставить сельскохозяйственное производство на индустриальную, научно-техническую основу.

В перспективе — пуск Зейской ГЭС, строительство мощных промышленных комплексов на базе месторождений железа, угля, ртути, золота и других полезных ископаемых, полная электрификация железных дорог, строительство моста через Зею в пределах Благовещенска, возобновление строительства железной дороги, которая пройдет от Байкала через север Амурской области к Тихому океану, освоение новых сотен тысяч гектаров земли за счет зарегулирования стока зейских вод и осушения заболоченных земель, устройство зон отдыха, рациональное использование минеральных целебных источников и многое другое.

Девятая пятилетка вплотную приблизит то время, когда по-настоящему начнется освоение богатств Приамурья и всего Дальнего Востока.

Минувшие двадцать лет, в течение которых я ходил по здешней земле, убеждают, что она, эта земля, во многом своеобразна, и если не сразу берет в плен душу, зато уж накрепко. Недаром многие, кто поспешил однажды уехать отсюда, опять рано или поздно возвращаются.

Конечно, и я не сразу привык к здешним дорогам, степям, горам, рекам, вообще — к пейзажам, во многом непохожим на пейзажи других мест. Это естественно, если учесть, что долго еще снились родные Алтайские горы. Но постепенно стало привычным говорить: «Наш город», «Наши места», «Наше Приамурье».

Почти каждый уголок земли хранит нечто неповторимое и притягательное. Но сначала видится обычно внешнее, потом постигается суть.

По первому впечатлению в сознании никак не умещались приамурские контрасты. Ну вот, пожалуйста: не защищенные снегом, сильно промерзающие водоемы и сугубо южное водяное растение лотос (Константиновский, Михайловский, Бурейский и Архаринский районы). Северная ягода моховка, кедровый стланик, не успевающие растаять за лето льды в каньонах Станового и сотни тысяч гектаров пашен, засеянных теплолюбивой соей, вегетационный период которой длится в среднем четыре месяца. Рано начинающаяся весенняя кампания и уборка урожая (сои) еще в конце октября и ноябре, когда в других местах давно уж «на нивах шум работ умолк». Тихие равнинные речки с плавучими берегами, плотно укрытыми осоками и вейниками, пойменные светлые озера с кувшинками, рогозом, урутью, рдестами и водяным орехом и — твердые каменистые берега Амура и грохочущие горные потоки. Обмелевшие великие реки с просветленными водами и — внезапная прибыль их, топящая даже самые высокие места. Почти бесснежная солнечная зима и довольно дождливое лето, а потом ясная сухая осень, о которой и в октябре говорят, как о «бабьем лете». Дикий виноград, лимонник, смородина, голубика, кедровый орех, аралия, леспедеца, липа, маньчжурский орех, лещина, обилие всевозможных овощей и садовых культур и — целые районы многолетней мерзлоты, где в основном растет лиственница.

Это в Приамурье. Дальше на восток, в Приморье, контрастов еще больше. Все это, конечно, можно объяснить не только своеобразием климата и почв, но и громадностью пространств. Амурская область с запада на восток простирается почти на 700 километров, с юга на север — на 760 и занимает площадь в 364 тысячи квадратных километров.

Но нередко и на малой площади встречаются явления трудно совместимые. Вот мы прошли сухую падь, поднимаетесь крутым распадком в сопки, идете по становику и вдруг натыкаетесь на топкую марь, болотце, а то и озерцо. Непривычно видеть такое на вершинах гор, но факт есть факт. Или взять это: зима, мороз, земля, прикрытая снегом, и по-осеннему рыжие сопки. Они всю зиму такие рыжие и пушистые, потому что сплошь заросли дубняком, сохраняющим листву до самого вешнего тепла. В спокойную погоду в таком лесу далеко слышится всякий шорох и даже малый вздох ветра. Чуткие косули, кабаны и изюбры подремывают где-нибудь на солнечных косогорах и не так-то просто подкрадываться к ним, ибо при всяком движении сухая жесткая листва шелестит, как пергамент. Когда подует ветер, весь дубовый зимний лес шуршит, шелестит, шабаркает, шумит. Обычно под прикрытием этого шума и начинается охота. И рысь, и волк, и человек с ружьем, держась на ветер, идут искать свою добычу.

На ровных бесконечных полях странными с непривычки покажутся круглые, как по циркулю, «глаза озер» в камышовых ресницах.

Новый человек не вдруг поверит, что здешняя рыбешка — ротан — зимует, застывшая во льду, и как только начнет припекать солнце, оживает и шевелится в толще льда, как в аквариуме, еще задолго до того, как лед расплавится. Кстати, нигде нет такого разнообразия рыб, как в амурском бассейне, ибо и речные условия тут самые разнообразные, и всяких рек и речек вдосталь — их насчитывается до сорока шести тысяч.

Амурская растительность слагается из нескольких формаций — даурской, маньчжурской, восточно-сибирской и охотской. Флора насчитывает свыше полутора тысяч видов цветковых растений, а фауна (млекопитаю-

щие, птицы и рыбы) — свыше трехсот тридцати видов. Среди растений и животных немало реликтовых или встречающихся только в Приамурье и на Дальнем Востоке.

Здешние леса делятся на три большие зоны: тайга, хвойно-широколиственные и широколиственные.

Многое может озадачить на первых порах нездешнего человека, всего и не перечислишь. Нужно время, чтобы разобраться, узнать лицо и душу здешней земли, все более привязываясь к ней.

Вот как, к примеру, запомнилось мне одно время года, с которого, кажется, и началась настоящая привязанность.

Это была весна. Она пришла, как накатилась, обдала, повеяла теплом и, заполняя все окрест, начала разгораться все жарче. На косогорах и лугах испарились последние заплатки снега. Над дорогами, над пашнями, над черной гарью и вообще на темных сугревах заметались стеклянные сполохи по-летнему обильного марева. Густо запахло оттаявшей и отпотевшей землей. Еще через день марево стало сплошным и заполнило всю пойму реки с лугами и релками, с островами и озерами, с пашнями и куртинами перелесков. Оно стелилось по ветру в сторону, обратную извечному течению реки, и, казалось, текла теперь другая, бесконечно широкая фантастическая река. Отдаленные стожки-братья, не скормленные за зиму и оставшиеся в лугах до следующей зимы, как поплавки, качались в воздухе и вытягивались порой до размеров высоких церквушек. Железнодорожный мост над рекой тоже весь так и плавился, извивался, как тонкая арматура в жарком пламени, и то на миг исчезал вовсе, то призрачно возникал сбоку, не на своем месте, горбатый и неправдоподобный.

Вообще эта весна напоминала некий благодатный

пал, занявшийся широким фронтом по всему Приамурью. И вот в огне его все быстро согревалось, пробуждалось, трещало, пищало, проклевывалось, дышало и рождало свои запахи. Над сопками, лугами и островами тянулись стройные косяки гусиных стай и мельтешили сгустки, клубки и вереницы всевозможной утвы. Целыми днями слышались теперь трубные, гортанные, пискливые и то радостные, то сторожкие клики.

Ранняя и дружная эта весна была благодатью не только для пахаря, но и для всего живого. Уже по тому, с каким ленивым удовольствием махали крыльями толстые басовитые гуменники, было видно, что птица не голодает, что и прилетела она из теплых мест с жирком и здесь везде находит где поесть-попить, поплавать, покупаться и отдохнуть. Вон даже черные неуклюжие вороны ходят по луговине с видом существ, одержавших великую победу. Да оно и впрямь — победа! Еще одна зима поборота, еще раз завоевано великое право на жизнь.

Давно, еще с первым потеплением, разбрызгивая лужи и грязь, ревя и лязгая, из мастерских разбежались трудяги-тракторы. Теперь они гудели где-то вокруг заимок и полевых станов, а летучки «скорой помощи», с инструментом и запчастями, чуть ли не круглосуточно колесили от одного трактора к другому, связывая их невидимой нитью. В одной из таких летучек на исходе ночи возвращался я с колхозного собрания, шумного и сильно затянувшегося. В дороге задремал, а когда открыл глаза на одном из ухабов, за Зеей уже вставала заря. Там, на фоне огнистого, как бы расплавленного края неба, тянулись и тянулись косяки уток и гусей, размеренно и лениво махая крыльями, летели цапли. А по всей зейской пойме и за ней залпами, дуплетами и в одиночку стучали выстрелы. Охотники уже стояли на

перелетах и своими выстрелами как бы приветствовали восход зари и всеобщее пробуждение.

Шофер остановился долить воды в радиатор и поразмяться, а я, выйдя к краю насыпи, дышал утренним воздухом, слушал отдаленные выстрелы и множественный птичий гогот.

Под насыпью из песка выбуривал ключ и, виляя по лугу, бежал в соседнее озерцо. Он был светлый, как стеклышко, и дышал легким парком, а берега его изумрудно зеленели молодой калужницей, уже собиравшейся зацвесть, и казались ковровыми. Прослеживая ручей глазами, я наткнулся вдруг на двух косуль. Рыжие-рыжие, как свежий яичный желток, они были такие яркие на молодой и тоже очень яркой зелени, что напиши это художник, его, может, упрекнули бы за неестественную яркость. Они были очень кстати на этом утреннем лугу и не боялись нас, видимо, угадывая наше мирное настроение. Но вот шофер звякнул ведерком, и коз точно ветром сдуло. Полукругом проскакали они по лугу, перемахнули через шоссе и вынеслись на самый верх сопки.

Мы сели на край канавы покурить и послушать утро. Все так же перекликались гуси и утки, приземленно стучали выстрелы, а потом к этим звукам примешались и заполнили утренние просторы голоса тракторов. Пробуждалась зазейская степь. Издалека донеслось грохотанье поезда, а совсем вблизи послышалось хлюпанье по воде и шипение пара. Вверх по Зее направлялся первый после ледохода буксир. Шел он весело и торжественно, заново покрашенный, с высоко поднятой рубкой. Вот он фукнул паром, дал гудок, и все окрест вздрогнуло, отряхнулось и огласилось ядреным красивым гулом. И уж теперь-то все проснулось окончательно. Показалось солнце, и еще раз прогудел буксир.

Говорят, хорошие дела получаются с утра и это, наверное, правда, ибо само пробуждение на заре, само обновление и восход солнца — источника жизни и радости — способствуют хорошему настроению. Наверное, всякий человек, в добром здравии встретивший хорошее весеннее утро, кроме всего прочего, испытывает подспудную радость встречи с чем-то необыкновенно прекрасным, подобным первой любви. А если и примешается чувство грусти, так это от невольного сознания того, что не вечно будешь видеть всю эту красоту. Но зато сильней захочется жить, еще сильнее станет желание успеть сделать побольше, пока ходишь по земле. Так было и со мной в то утро.

Но это, так сказать, лирика. Главное, наверное, все же в том, чего и сколько может земля дать человеку. Амурская земля способна дать очень много. Уже одно то, что безморозный период на юге области длится почти сто пятьдесят дней, что солнце держится высоко и обильно снабжает землю теплом и светом, наводит на мысль о гигантской кладовой хлорофилла, белка, сахара, витаминов и прочих полезных вещей. Более четырех месяцев длится вегетационный период со средней температурой воздуха значительно выше десяти градусов тепла, и в течение всего этого времени, за исключением редких лет, обильно выпадают дожди.

Земля плодородна, климат благодатен, и было бы странным, если бы тут не росло и не родило все, что способно расти, исключая разве что цитрусовые. Еще в дедовские времена, при конной тяге, здешним хлеборобам удавалось иногда брать богатые урожаи. В последние годы, когда больше стали применять удобрения, многие хозяйства на площадях в несколько тысяч гектаров нередко берут по двадцать—двадцать пять центнеров зерна с гектара и, видимо, недалеко время, когда

№ 412 948

этот показатель станет обычным для всех хозяйств области. Что касается сои, то и ее амурские земледельцы научились уже брать до полутора тонн с гектара на больших площадях. А меж тем дело идет к тому, что будущие показатели здешних земель обещают быть намного выше. Посевные площади, уже сейчас близкие к двум миллионам гектаров, со временем расширятся, видимо, миллионов до трех. Амурскую область давно уж и с полным основанием называют житницей Дальнего Востока.

Обычно за словами «земля» и «земли» видятся площади окультуренные, способные родить хлеб, где, как говорят, что посеешь, то и пожнешь. Такие земли — великое благо. Но не меньшее благо и те земли, где не сеют и не пашут, а жатву собирают обильную и дорогую. Такой земли в Приамурье, к счастью, тоже очень много, ибо большая часть его занята прекрасными лесами, — в основном, лиственницей и сосной. Ну а лес, как известно, не только деловая древесина и сырье для химической промышленности. Это и зарегулированная влага, равномерно питающая реки, и кислород, и вообще чистый воздух, и зверь, и птица, и грибы, и ягоды.

Когда говорят «богатая земля», то имеют в виду опять же плодородные нивы. И напротив, о землях, не пригодных для распашки и посевов, принято говорить как о бедных. Это, наверно, идет от давних времен, когда человек жил исключительно натуральным хозяйством. Теперь же, в век бурного промышленного развития, эти слова наполняются иным, более широким значением. Еще не известно, какая земля богаче. Та, где собирают по два урожая хлебов и объедаются фруктами, или та, где на обширных пространствах растут великие леса, есть золото и железо, слюда и уголь, ртуть, пушнина, всякая лесная живность и многоводные реки с колос-

сальными гидроресурсами. В Приамурье есть это все, да еще и земли плодородны.

Однако не только богатств, не только достижений, но и проблем у нас достаточно. И, как ни странно, большинство из них существует уже давно. Речь о них впереди.

Кто же устранит неполадки, наведет должный порядок в природе и хозяйствовании? Кто здешние и не только здешние богатства, уже послужившие верой и правдой народу, заставит служить с еще большей отдачей?

Разумеется, это предстоит сделать нашим современникам, предки которых пришли сюда, «топором прорубая путь», а потом поднимали эту землю, обживали и проливали за нее кровь. В ответе и те, кто придет сюда переселенцами, строителями, исследователями. И если в общем-то сделано уже очень много, то это лишь начало того, что ждет Приамурье в будущем.

Об этом и о том, как, приближая будущее, вершили и вершат различные дела амурские люди, рассказывается в очерках, составляющих эту книгу. Это книга о земле амурской, о земле, на которой стою.